

Рис. 8. Монте Сирап. Греческая терракотовая голова

находилась каменная женская статуя, перед которой полукругом лежали многочисленные вотивы. Статуя представляет большой интерес для изучения скульптуры Сардинии, лицо ее выполнено реалистично, а тело — схематично. Вотивы состоят главным образом из пунических и римских глиняных тарелок и светильников II в. до н. э. Среди других приношений — уникальная пуническая терракотовая протома мужчины с длинной бородой и завитыми волосами (рис. 7), прекрасная терракотовая головка явно греческого происхождения (рис. 8), небольшая бронзовая фигурка мужчины, наполняющего сосуд из кувшина, и ряд обработанных костей, преимущественно пластинок небольших размеров; на одной из них вырезана голова усатого мужчины с высунутым, подобно Медузе Горгоне, языком. Важной находкой считают также бетиля, по форме близкий бетиллям из ранних слоев Карфагена.

Рис. 9. Монте Сирап. Мужская голова киприотского типа

Северную часть возвышенности занимает сакральное кладбище — тофет. Центром его был небольшой храм, у северо-восточного угла которого вскрыты остатки печи для сжигания жертв, стока для очистки ее и помещения для хранения пепла; найдены и урны с пеплом и костями сожженных детей. Неподалеку от храма на поверхности обнаружено множество надгробных стел, в большей или меньшей степени разбитых. Наиболее часты стелы с человеческой фигурой в нише, типичны также стелы с изображением фасада египтизированного храма — человек стоит между двумя колоннами с капителями протоэолийского типа, поддерживающими архитрав, который состоит из хорошо известного в египетском искусстве крылатого диска и ряда урей над ним. Особое внимание привлекает одна из стел, на которой представлена женщина с младенцем на руках, — возможно, Танит с ребенком, предназначенным для жертвоприношения. В ней видят один из первых образцов независимого от Карфагена искусства Сардинии. Из материала, открытого на тофете, следует упомянуть, кроме того, несколько маленьких терракот, курильницу с женской протомой эллинистического типа из верхнего слоя отложения пепла и фрагментированную мужскую голову киприотского типа — из его нижнего слоя (рис. 9).

Наблюдения над характером укреплений, отличающихся большой мощностью, и тофета, необычно маленького и слабо насыщенного, привели археологов к выводу, что это не обычное поселение, а сильная крепость, имевшая незначительное гражданское население.

Жилой район располагался в восточной части Монте Сирап, но он еще почти не раскапывался.

Исследовался также некрополь. Могилы вырублены в скале, к каждой могиле ведет тоже выбитая в скале лестница, которая кончается площадкой перед входом в могилу. Погребальная камера прямоугольная, в некоторых случаях стена, а иногда и свод камеры украшены пуническими религиозными изображениями и символами. В одной из могил обнаружен рельеф с нарисованной красной краской головой какого-то демона, — очевидно, апотропей, в другой — столб с символом Танит. Любопытно, что символ сделан вверх ногами, видимо, из-за незнания каменщика. Умершего клали в деревянный гроб, погребальный инвентарь состоит в основном из ваз, встречаются украшения, скарабей, монеты. Тип могил и вещи дают возможность считать некрополь финикийским и датировать его I тысячелетием до н. э.

Помимо раскопок в Монте Сирап, в различных районах Сардинии велись разведочные работы, в ходе которых открыт ряд пунических поселений как на побережье, так и в глубине острова.

Л. П. Маринович

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА ДОКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА В КЛАССОВОЕ

В Москве 6—8 декабря 1966 г. при Отделении истории АН СССР под председательством академика Б. А. Рыбакова проходил симпозиум по теме «Пути перехода доклассового общества в классовое общество». На симпозиуме присутствовало более 100 человек, они представляли научные коллективы историков, археологов, этнографов и филологов 20 городов Советского Союза (Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента, Тбилиси, Новосибирска и др.).

Работу симпозиума открыл академик-секретарь Е. М. Жуков. Он отметил, что нет оснований подвергать сомнению принципиальные установки, данные Энгельсом, но они, конечно, носят общий характер, а от историков требуется конкретная разработка этой проблемы. Нужно глубоко изучить характер первобытнообщинных отношений на последнем этапе. Нельзя допускать их идеализации, забывать о низком уровне развития производительных сил, ожесточенной борьбе родов и племен. Географический фактор в этот период играл более значительную роль, чем в последующих формациях. Войны были неизбежны и имели важные социальные последствия: выживание государственной организации, появление рабства. Процесс кристаллизации зародышевой формы государства был чрезвычайно длительным. Без всестороннего исследования этого переходного периода трудно понять первые варианты классовых обществ. Академик Е. М. Жуков пожелал участникам симпозиума плодотворного обсуждения столь интересной и важной проблемы.

В развернутом вступительном слове академика Б. А. Рыбакова были намечены основные направления работы симпозиума. Б. А. Рыбаков констатировал новый этап в развитии советской исторической науки. Если эпоха 20-х годов дала лишь первые эскизы марксистской исторической концепции, а затем наступил «период талмудизма и предвзятых схем», реакцией на который явился эмпиризм 50-х — начала 60-х годов, то теперь вновь возникла тенденция к теоретическим обобщениям, особенно среди историков. Эти обобщения уже строятся на фундаменте исследований не буржуазных историков. Из них, как это было в 20-е годы, а на исследованиях наших марксистских историков. Из дискутирующихся в настоящее время теоретических проблем можно выделить как наиболее интересные и сложные для специалистов по ранним периодам истории человеческого общества проблемы динамики и смены общественно-экономических формаций. Мысль о восходящей и нисходящей формации очень плодотворна, но недостаточно разработана. Вопрос о необходимости изучения стыка формаций был в свое время поднят впервые академиком В. П. Волгиным.

Задача симпозиума — рассмотреть проблемы, связанные со стыком трех формаций, т. е. попытаться выяснить, при каких обстоятельствах из первобытнообщинного строя рождается рабовладение или феодализм. Для археологов очень существенно установить критерии для определения по археологическому материалу наличия классового общества и государства. Очень важен вопрос о роли географической среды, причем не только в плане физической географии, но и историко-политической и историко-культурной среды.

На симпозиуме были заслушаны доклады академика С. Д. Сказкина «Генезис феодализма (в Западной Европе)», доктора исторических наук В. М. Массона «Пути становления классового общества на Древнем Востоке» и доктора исторических наук К. М. Колобовой «Генезис рабовладельческого общества в Греции». Академик С. Д. Сказкин в своем докладе развивал следующие положения¹: прогрессивность

¹ В основе доклада С. Д. Сказкина лежит его статья под тем же названием, написанная в соавторстве с С. М. Мейманом, см. «Вопросы истории», 1960, № 1.

и последовательность первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формаций — это общий закон всемирно-исторического развития, но в конкретно-историческом развитии отдельных обществ эта последовательность не является железной необходимостью. Первобытнообщинная формация в период разложения становится перед альтернативой превратиться либо в рабовладельческое, либо в феодальное общество. Переход определяется стихийно, а не путем сознательного выбора. Возможность альтернативы объясняется чертами сходства рабовладельческой и феодальной формаций: при этих формациях невозможно развитие крупного сельскохозяйственного или промышленного производства, в основе их лежит мелкое производство и несвобода мелкого производителя. Основным противоречием в той и другой формации является противоречие между крупной земельной собственностью и мелким индивидуальным производством. Можно проследить сходство и в целях классовой борьбы.

Первобытнообщинная формация в своем разложении и переходе к классовому антагонистическому обществу создает типичную фигуру патриархального раба (в юридическом смысле). В экономическом отношении — это мелкий производитель, работающий мелкими, приспособленными для индивидуального пользования орудиями производства, вследствие этого его эксплуатация возможна только при условии экспроприации его рабочей силы. Создается классовое общество, в основе которого лежит мелкое производство с индивидуальными орудиями производства и следующей из этого несвободой непосредственного производителя.

Дальнейшее развитие классового общества идет двумя путями:

1) При наличии избыточной или достаточной рабской силы развивается рабовладельческое общество, при разложении переходящее в феодальное общество. Расцвет рабовладельческих отношений возможен только при массовом поступлении рабов извне, поэтому рабовладельческий строй не мог быть универсальным.

2) При недостатке рабской силы, поступающей извне, развивается феодальное общество. Феодальная формация универсальна и неизбежна для всякого спонтанно развивающегося общества.

Свои выводы С. Д. Сказкин строит на материале античной (опираясь при этом главным образом на докторскую диссертацию В. И. Кузнецина «Земледелие и землевладение в Италии во II в. до н. э. — I в. н. э.») и средневековой истории народов Европы.

Доклад В. М. Массона был посвящен проблеме становления классового общества в странах древнего Востока, имеющей, по мнению докладчика, особую теоретическую значимость, так как речь идет о развитии древнейших классовых обществ, формирование которых «не осложнялось взаимодействием с уже существующими высокоразвитыми структурами». Поскольку доклад В. М. Массона опубликован², ограничимся лишь перечислением вопросов, затронутых докладчиком. В истории стран древнего Востока он выделяет особый период раннеклассового общества (поздний Урук и Джемдет-Наср в Месопотамии, позднееврейское общество в Китае, Анатолия конца III — первой половины II тыс. до н. э., Крито-микенская Греция), дает характеристику развития производительных сил в этих обществах, предлагает критерии для определения имущественной дифференциации по данным могильников, дает определение понятия «город» применительно к рассматриваемой эпохе. В. М. Массон считает возможным говорить о двух путях становления классового общества: *шумерском*, характеризующемся сравнительно быстрым и спонтанным развитием классового общества в результате высокой продуктивности земледелия, дающего значительный прибавочный продукт, и раннего развития ремесла и торговли, и *анатолийском*, прослеживающемся по материалам Малой Азии, где формирование классового общества идет замедленными темпами, земледелие не отличается столь высокой продуктивностью, развитие имущественной дифференциации и ремесла стимулируется связями с уже сложившимися цивилизациями. По мнению В. М. Массона, нет оснований эти раннеклассовые общества выделять в особую формацию, как это делает М. Годелье, нельзя также объединять всю историю стран древнего и средневекового Востока в понятие «азиатский способ производства». Однако докладчик не дал своего определения формационной принадлежности описанных им раннеклассовых обществ. Отвечая на вопросы о классах, складывавшихся в странах древнего Востока, и о характере обществ, сменивших раннеклассовые, докладчик подчеркнул, что решение этих вопросов возможно только в результате тщательного анализа форм эксплуатации в каждом конкретном обществе.

К. М. Колбова начала свой доклад с констатации того факта, что проблема возникновения классового общества на Крите и в Греции до сих пор остается предметом гипотез. Не решен вопрос об этнической принадлежности критян. Последние раскопки в Малии ставят под сомнение общепринятое в нашей литературе мнение о неограниченности власти владыки критского дворца; раскопаны агора и «зал для пиров», — возможно, булевтерий, что позволяет предположить наличие органов самоуправления. Хотя критяне и не были греками, но они оказали сильное влияние на культуру Греции в

² В. М. Массон, Становление раннеклассового общества на древнем Востоке, Вопросы истории, 1967, № 5, стр. 82—94.

среднеэлладский и позднеэлладский периоды. Элевсин и Дельфы, возможно, первоначально были святилищами критян, роскоши Кадмеи свидетельствуют о большом значении Фив во II тыс. до н. э. и указывают на связь не только с Критом, но и с Междуречьем (находки клинописи). Остаются нерешенными вопросы о причинах гибели ахейских царств и вторжениях дорийцев. Можно лишь предполагать, что дорийцы пришли в Пелопоннес в период упадка ахейских царств, и с их приходом рухнула старая система управления (дворцовые хозяйства) и исчезло из употребления слоговое письмо. Однако микенская цивилизация оставила глубокие следы в дальнейшей истории развития греческого мира». Это прежде всего сказалось в эпосе и религии: ахейские герои стали общегреческими, а гомеровский пантеон — основой греческой полупопсовой религии. «На территориях известных нам очагов микенской культуры как подвергнувшихся миграции, так и сохранивших свое прежнее население, микенские государства оказали большое влияние на формирование государств греческого типа».

Развитие греческого общества в «темные века» греческой истории (XI—VIII вв. до н. э.) пока не удается проследить из-за скудости источников. Можно лишь отметить, что греческий род в письменных источниках выступает «как продукт уже более позднего развития, имеющего мало общего с первоначальной племенной организацией». Дальнейшее развитие греческих племен и народностей шло двумя путями, наиболее отчетливо прослеживающимися в истории Афин и Спарты. В Спарте произошел спойкизм дорийских и ахейских общин (Амиклы), и до конца VII в. до н. э. Спарта не уступала по уровню своего развития Коринфу и Афинам. Лишь с установлением «общины равных» и завоеванием Мессении были сознательно уничтожены ахейские традиции и резко выявилась тенденция к изоляции во внешней и внутренней политике. Атика, находившаяся в сфере микенской культуры, оказалась в стороне от дорийского вторжения. Но новое племенное окружение и иммиграция знати и ремесленников из ахейских государств, разрушенных дорийцами, оказали большое влияние на ее дальнейшее развитие. Ахейцы и ионийцы, заселившие в свое время Атику на стадии патриархального рода, продолжали, по-видимому, жить родовыми поселками. «Прилив населения извне и необходимость предоставления им земли нарушали уже установившиеся земельные отношения и немало содействовали разрушению родовой организации в низовых слоях общества». Афины не были единственным центром Атики во II тыс. до н. э. Возможно, именно в период миграций и произошло объединение Атики под властью Афин и при этом произошла реорганизация родовых институтов в целях сплочения населения вокруг одного центра. Атичские филы, объединенные, согласно традиции, Тезеем, не были естественно возникшими племенами, а укрупненными племенными образованиями. Одновременно с объединением Атики ее население, согласно той же традиции, было разделено на эвпатридов, геоморов и демиургов. Это свидетельство о выделении эвпатридов, концентрировавших в своих руках лучшие земли, в особый привилегированный класс позволяет говорить о возникновении государства, «резко отличающегося от микенского государственного строя». Узурпация нарождающейся государственной власти в руках эвпатридов сопровождалась реорганизацией всего общества — искусственным воссозданием родов на основе военной организации населения. Знатные семьи (а в этот период знатность и богатство еще совпадали) закрепляют за собой право распоряжаться родовыми институтами, используя их против низших слоев общества, где принцип кровного родства все более отеснялся принципом территориального сожительства, т. е. сельской общиной. Наличие двух видов *γένος* — кровнородственного у эвпатридов и искусственного у остального населения — легко прослеживается по источникам. Если реформа отражала исторически сложившееся деление на филы и фратрии, то деление каждой фратрии на 30 родов порождалось потребностями военной организации, служившей основой власти эвпатридов. Складывающееся государство использовало в своих интересах целый ряд родовых институтов, меняя их содержание, но наряду с этим ему были нужны и новые органы власти. «Оттеснение на второй план сначала филобасилеев, а затем и афинского басилея, позже замененного... ежегодно избираемыми архонтами, знаменовало утверждение классового общества, скинувшего с себя родовую оболочку».

Таким образом, в своем докладе К. М. Колобова показала, что имеющийся в распоряжении исследователей материал и в отношении греческого общества пока позволяет лишь ответить на вопрос, как шел процесс формирования классового общества, но не дает ответа, почему здесь в результате разложения первобытнообщинного строя возникло рабовладельческое общество.

Все три доклада вызвали большой интерес участников симпозиума, ряд вопросов и оживленные прения почти по всем проблемам, затронутым докладчиками.

Прения в основном шли в двух направлениях: обсуждения общетеоретических вопросов о закономерностях смены общественно-экономических формаций и выявления тех или иных закономерностей на конкретном историческом материале. Из выступлений первого направления интересно сопоставить выступления члена-корреспондента АН СССР Ю. В. Бромлея, Л. В. Даниловой и Г. Ф. Ильина.

Ю. В. Бромлей полагает, что трудности в классификации докапиталистических классовых обществ обусловлены нерешенностью таксономических проблем выс-

шего порядка. Не выяснено соотношение понятий «производственные отношения», «способ производства» и «социально-экономическая формация». Производственные отношения, по его мнению, могут быть формационного (например, капиталистические, социалистические), или видового, и подвидового характера (например, частнокапиталистические, госкапиталистические), причем подвидовые на отдельных этапах могут быть основными. Важнейшим критерием для разграничения подвидовых и формационных производственных отношений он считает антагонистичность смежных формационных производственных отношений, вследствие чего смена их всегда сопровождается революцией. Подвидовые производственные отношения неантагонистичны и для их разграничения достаточны такие критерии, как формы собственности и эксплуатации. Это размежевание позволяет Ю. В. Бромлею усомниться в том, что рабовладельческие и феодальные отношения формационны. Рабовладение и феодализм входят, по его мнению, во «вторичную формацию» по терминологии Маркса. К этой же формации следует отнести общества древнего Востока, Киевской Руси, «варварских государств». Предложенные для обозначения этих обществ термины: «азиатский способ производства», «раннеклассовые», «про- или протофеодальные» — неопределенны или не соответствуют в географическом или социальном плане, поэтому он предлагает обозначить этот способ производства как «государственно-общинный».

В выступлении Л. В. Даниловой есть некоторые точки соприкосновения с положениями, изложенными Ю. В. Бромлеем. Как и он, Л. В. Данилова считает, что между докапиталистическими и капиталистическим способом производства проходит более глубокая грань, чем между различными докапиталистическими, и что различия заключаются не в формах собственности, а в способе соединения непосредственного производителя со средствами производства. Капиталистическое производство носит общественный характер, это выражается не только в разделении общества на владельцев капитала и непосредственных производителей, не имеющих средств производства, но и в том, что «общественное разделение труда и развивающееся на его базе товарное производство, приобретая при развитии капитализме абсолютную форму, разделяют членов общества как производителей». Производственные отношения становятся ведущими и в известном смысле совпадают с экономическими. Докапиталистические способы производства предполагают соединение непосредственного производителя со средствами производства, они изолируют, разобщают отдельных производителей или группы их. Поэтому общественные связи не могут быть экономическими, изъятие прибавочного продукта осуществляется внеэкономическим путем. Эти различия можно проследить при сопоставлении докапиталистической и капиталистической ренты.

Пятичленная схема общественно-экономических формаций не исчерпывает всех стадий развития человеческого общества, и уже в 30-е годы были внесены предложения о выделении раннерабовладельческих, полупфеодальных, полупатриархальных обществ или комплексов с ведущими историческими центрами. В итоге последних дискуссий выяснилось, что неправильно считать рабовладельческую формацию если не единственным, то магистральным путем развития классового общества. Но выделение раннеклассовых обществ в особую формацию остается еще спорным. Решение его находится в зависимости от решения вопроса о роли экономики на ранних стадиях развития общества. Выдвижение концепции азиатского способа производства связано также с тем, что большинство докапиталистических классовых обществ не обнаруживает основного признака феодализма — феодальной земельной собственности, тогда как способ соединения основного производителя со средствами производства один и тот же. По мнению Л. В. Даниловой, правильнее считать основным признаком докапиталистических обществ (исключая рабовладельческое) господство мелкого натурального потребительского замкнутого хозяйства непосредственного производителя при его внеэкономической эксплуатации.

Г. Ф. Ильин в своем выступлении отстаивал пятичленную схему общественно-экономических формаций как генеральную линию развития человеческого общества в целом при той или иной специфике развития отдельных обществ. По его мнению, в основе некоторых новых концепций развития древних обществ лежит ошибочная интерпретация понятия «эксплуатация». Эксплуатация — это политэкономическая категория, означающая изъятие собственником средств производства части продуктов, произведенных тружеником; без отношений собственности на средства производства нет эксплуатации. Поэтому дань, налог и всякие другие поборы при отсутствии собственности государства на землю нельзя рассматривать как эксплуатацию, это — внеэкономические отношения. И поскольку большинство исследователей отрицает наличие монополюющей собственности государства на землю в странах древнего Востока, концепция, трактующая общинников как основной эксплуатируемый класс, теряет под собой почву. Каждая формация соответствует определенному уровню развития производительных сил; рабовладельческая формация не могла возникнуть там, где рабский труд был перенатальным, например, в странах Восточной Европы, тогда как в Египте, Месопотамии, Индии и других странах древнего Востока при самых примитивных орудиях труда рабский труд давал прибавочный продукт. Основной особенностью рабовладельческой формации является то, что она возникает в недрах бесклассового общества, поэтому даже

небольшой по удельному весу в экономической жизни рабовладельческий уклад может обеспечить рабовладельцам господствующее положение, что приводит к коренным изменениям в социальной психологии и идеологии. «Другой особенностью рабовладельческого общества (вытекающей из первой) является то, что оно представляло собой единство принципиально различных укладов — рабовладельческого (классового) и первобытнообщинного (бесклассового) — при постепенном укреплении господствующего положения первого и все большем подчинении и приспособлении к нему второго». Недооценка роли этого второго уклада в рабовладельческом обществе ведет к возникновению концепций «извечного феодализма», «азиатского способа производства», «кабальной формации» и т. д. Рабовладельческий уклад никогда и нигде в древнем обществе не был и не мог быть единственным, так как он в значительной степени существовал за счет сопутствующего ему первобытнообщинного уклада. Этим объясняется неустойчивость наиболее развитых рабовладельческих обществ. Незначительное количество рабов в обществе не дает оснований сомневаться в его рабовладельческом характере. Важен удельный вес рабовладельческих хозяйств не в количественном отношении, а с точки зрения их общественной значимости как носителей товарных отношений, разрушителей натуральной замкнутости общины. Если рабы и рабовладельцы конституировались как классы (свидетельством чему является возникновение государства), то именно они определяют классовый характер общества, даже если они составляют меньшинство, так как других классов нет. Ошибочно противопоставлять рабов всем нерабам, так как действительно свободных (экономически самостоятельных и политически равноправных) было не так уж много, остальные находились на разных ступенях лестницы между этими двумя противоположными полюсами. Ходячее представление о рабе как работнике эргастерии неверно, так как существовало бесконечное разнообразие форм эксплуатации раба в зависимости от конкретно-исторических условий (условий хозяйства, уровня товарного производства, форм порабощения и т. д.). Основным признаком раба, каким бы способом он не эксплуатировался, является то, что он собственность рабовладельца.

Выступление Г. Ф. Ильина вызвало резкие возражения Ю. М. Кобшанова, утверждавшего, что рабовладельческий уклад существовал, но рабовладельческого способа производства не было, так как в античном мире на протяжении всей его истории наряду с рабовладельческими развивались феодальные отношения. Не согласен он и с концепциями В. М. Массона и Ю. В. Бромлея: термины «раннеклассовое общество» и «вторичная формация» лишь снимают противоречия, но не раскрывают существа вопроса. По его мнению, единственная формация, которая находится между первобытнообщинной и капиталистической, — это феодальная. Однако положения Ю. М. Кобшанова не нашли поддержки среди участников симпозиума.

Ю. И. Семенов в также выступил с критикой концепций Ю. В. Бромлея и Г. Ф. Ильина. Возражая Ильину, он утверждал, что в обществах древнего Востока не было первобытнообщинного уклада, что рабы не были единственным эксплуатируемым классом, что Ильин стирает грани между рабством и другими формами эксплуатации. Развивая свою концепцию о кабальной форме эксплуатации, Ю. И. Семенов говорит, что в странах древнего Востока было два уклада: прафеодальный и кабальный. Эта особенность обуславливала цикличность их развития: разрушение прафеодального уклада за счет развития кабальных отношений вело к разрушению социального организма, перестройка прафеодальных отношений вела к восстановлению социального организма. Ю. И. Семенов не согласен с критерием, выдвинутым Ю. В. Бромлеем, различения родовых и подвидовых производственных отношений. Главным отличительным признаком производственных отношений, по его мнению, следует считать способ соединения работников со средствами производства. Исходя из этого, он отстаивает существование рабовладельческой формации, как необходимого этапа в развитии человеческого общества, и считает феодализм и азиатский способ производства не параллельными путями, а последовательными стадиями этого развития. Общественно-экономические формации — это стадии развития всего человечества в целом, отдельное конкретное общество не проходит и не может пройти их все. Но общее существует через отдельное, и не следует в отдельном искать все стадии развития общего.

С. А. Токарев в своем выступлении поднял вопросы, не затронутые докладчиками, но имеющие немаловажное значение для проблемы становления классового общества. Он напомнил о разногласиях в определении общественного строя у кочевых племен, о концепции «кочевого феодализма». Также не решен вопрос о характере общественного строя, сложившегося в результате завоевания у инков и ацтеков. Едва ли его можно считать рабовладельческим. По своему содержанию это античные отношения.

В. Д. Блаватский отметил возможность разных вариантов и первобытнообщинного, и рабовладельческого, и феодального строя. Соглашаясь с тем, что рабовладельческая формация сравнительно редкое явление, он сомневается в правомерности положения С. Д. Сказкина о феодализме как магистральной линии развития человечества. Феодализм, возникший на Востоке из раннеклассового общества, развивался крайне медленно и не привел к капиталистической формации. Запад, прошедший через рабства-

депие, обогнал Восток. Не следует недооценивать наследие античной культуры, способствовавшей быстрому развитию Европы в эпоху феодализма. По мнению Р. Д. Блаватского, в докладе В. М. Массона правильно намечены пути развития классового общества на древнем Востоке. Структура этих обществ была иной, чем структура античного общества. Можно принять критерии, предложенные В. М. Массоном для определения понятия «город» по археологическому материалу с незначительными поправками для античного города. Одобрив в целом доклад К. М. Колобовой, В. Д. Блаватский не соглашается с ее трактовкой возникновения спартанского полиса, по его мнению, он возник на рубеже II и I тысячелетий.

Л. С. Васильев в своем выступлении затронул проблему развития производительных сил. Он усматривает лишь два основных узла в развитии производительных сил человеческого общества в целом: неолитическую революцию (переход к производящему хозяйству) и техническую революцию в позднем средневековье. Остальные этапы развития производительных сил не играли существенной роли в смысле смены общественно-экономических формаций. Нет реального рубежа в этом плане между обществом рабовладельческим и феодальным, между раннеклассовым обществом и последующими этапами развития народов Востока. Л. С. Васильев возражает против стремления Ю. И. Семенова «смотреть с глобальных позиций на динамику всемирной истории» и, по-видимому, предлагает рассматривать динамику всемирной истории с позиций истории стран Востока. С этих позиций античный мир и рабовладельческое общество представляются ему лишь оригинальной модификацией, которая оказалась очень полезной для дальнейшего плодотворного развития, но отнюдь не является необходимой ступенью развития человечества в целом.

Т. В. Блаватская категорически возражает против отрицания универсального значения рабовладельческой формации. Ей представляется более правильной концепция А. И. Тюменева о двух путях развития рабовладельческого общества. Нельзя, по ее мнению, согласиться с включением Ахейской Греции в азиатский способ производства, так как общинник в Греции — самостоятельная фигура, от него один шаг до гражданина полиса. Страны древнего Востока также не были единообразны по своей структуре.

А. И. Стучевский целиком присоединился к положениям, изложенным в докладе С. Д. Скакина. По его мнению, нельзя зависимых земледельцев древнего Востока приравнивать к рабам. В определении раба две стороны вопроса: юридическая (собственность на личность раба, т. е. его сословное положение в обществе) и экономическая (как используется раб). Вторая сторона зависит от того, в какую систему экономических отношений раб-военнопленный попадает. Царское хозяйство III династии Ура с массовым использованием рабов является для древнего Востока исключением, а не правилом. Ссылаясь на применение Марксом понятия «крепостничество» по отношению к германцам, А. И. Стучевский считает возможным назвать отношения, характерные для древнего Египта государственным крепостничеством.

Выступление С. М. Дубровского было посвящено в основном дискуссиям по проблеме азиатского способа производства. Он критиковал книгу А. И. Стучевского за «гибридное» определение азиатского способа производства как рабовладельческо-феодалного и трактовку этого вопроса М. Годелье. По его мнению, особого азиатского способа производства как формации не существовало. Он отметил также, что в нашей историографии до сих пор нет четкого разграничения понятий «феодализм» и «крепостничество».

Ю. П. Ефанов считает более правильным определить структуру обществ с ирригационным земледелием как азиатский способ производства. Если в этих странах не было государственной собственности на землю, то ирригационные сооружения были собственностью государства, поэтому можно говорить о неполноте развитой частной собственности. Общества азиатского способа производства — раннеклассовые. К раннеклассовым следует отнести и досолоновские Афины и восточных славян до образования феодального государства. Для всех этих обществ характерна многоукладность, конкретно-исторические условия определяют тот или иной путь дальнейшего развития. Особенностью исторического пути античного мира является раннее развитие торговли и ремесла, обусловленное географической средой. Развитие феодализма из первобытно-общинного строя наблюдается в средней полосе, где экономические условия позволяли обеспечить существование отдельной семьи при слабом развитии городского ремесла. Тот факт, что большая часть народов не пошла по пути рабовладения, еще не означает незакономерности рабовладельческого строя.

В. Н. Никифоров, выступавший одним из последних, отметил, что в ходе дискуссий вопрос об азиатском способе производства отходит на задний план. Сближаются точки зрения на характер раннеклассового общества, спор идет о том, является ли это обществом переходного периода или самостоятельной формацией. Сам он склонен считать его обществом переходного периода и скорее переходным к рабовладельческому, чем к феодальному. Но вопрос пока остается не решенным из-за неизученности экономики этих обществ. Специфика одной страны часто мешает исследователям оценить движение человечества в целом.

Наряду с общетеоретическими проблемами о характере раннеклассовых обществ в прениях были подняты и более частные и конкретные вопросы, тесно связанные с теми проблемами, которые затрагивались в рассмотренных выше выступлениях.

А. П. Смирнов, ссылаясь на материал апаньевской культуры и Андреевского кургана в Молдавии, говорил о распространении патриархального рабства среди значительной части населения земного шара. Раннеклассовые общества в его представлении — это переходная эпоха, а не самостоятельная формация. К трактовке В. М. Массоном погребального инвентаря следует добавить, что обряд погребения был мощным идеологическим воздействием нарождающегося господствующего класса на своих соплеменников.

По мнению В. О. Довженок, на симпозиуме недостаточно внимания уделялось генезису классовых отношений на Руси. Подчеркивая роль географического фактора, как определяющего неравномерность исторического развития на ранних стадиях человеческого общества, он отмечает, что историко-географические условия Поднепровья выдвинули его как передовой район славянской Руси. Трактовка исторических судеб Поднепровья и, в частности, черняховской культуры очень важна в решении вопроса о формировании классового общества на Руси. Черняховскую культуру В. О. Довженок относит к раннеклассовому или дофеодальному (что в его понимании равнозначно) периоду. По тем сведениям византийских писателей, которые, по его мнению, можно связать с черняховской культурой, в этом обществе были и рабовладельческие, и феодальные отношения. Следующий этап формирования феодальных отношений — это племенные княжения VI—VIII вв. Окончательно оформился феодализм в Киевской Руси в IX в. Касаясь проблемы соответствия производительных сил производственным отношениям, В. О. Довженок считает, что вопрос сводится к тому, могут ли они дать прибавочный продукт, достаточный, чтобы стать базой классового общества, и отвечает на этот вопрос положительно: прибавочный продукт, по его подсчетам, составлял в этот период одну треть всего продукта.

А. И. Тереножкин в своем выступлении остановился на вопросе о характере классового общества у скифов-кочевников. Имущественная дифференциация, наличие рабов, царская власть, малая семья — все это не оставляет сомнения в классовом характере этого общества. Этнографы устанавливают у современных кочевников патриархально-феодальный строй или «кочевой феодализм». По-видимому, и у скифов не следует переоценивать значение рабства, и по отношению к ранним кочевникам также возможно применение понятия «кочевой феодализм».

М. В. Крюков не согласен с трактовкой раннеклассового общества как переходного периода и склонен видеть в нем особую формацию. Свое мнение он аргументировал анализом раннежоуского общества в Китае. В этом обществе налицо классовое деление, пятичленная сословная иерархия не только в социальных, но и в экономических отношениях, группы общинных семей (цзунцзу), также иерархически связанные, но это не феодальное общество. После кратковременного расцвета эта система была разрушена реформами Шан-Яна и последовала вспышка рабовладельческих и торговых отношений. Аналогичное явление наблюдается и в истории Полинезии.

И. Ш. Шифман подчеркнул мысль, высказанную Т. В. Блаватской, что древневосточное общество не было чем-то единым, развитие каждой страны шло своим своеобразным путем. Дискуссии о путях развития древних обществ во многом зависят от расхождений в трактовке таких необходимых понятий, как «собственность», «раб» и т. п. Для древних раб был прежде всего имуществом, которым хозяин распоряжался по своему усмотрению. Применение раба в домашнем хозяйстве высвобождало хозяина для производственной деятельности в основных отраслях хозяйства.

Р. С. Липец говорила о том, что изучение былин позволяет считать их плодом творчества городского населения, в них отражаются взаимоотношения князя с городской общиной. Это дает основания сделать вывод, что Киевская Русь — это страна городов.

В заключительном слове С. Д. Сказкин еще раз подчеркнул, что первичная форма эксплуатации, которая складывалась в первобытнообщинном строе, имела всегда в качестве объекта мелкого производителя, тесно связанного с индивидуальными орудиями производства. Из этой формы эксплуатации мог развиваться и раб и крепостной. Однако рабовладельческое общество было в истории скорее исключением, чем общим фоном развития.

К. М. Колобова в заключительном слове настаивала на более широком распространении рабовладельческой формации, чем только страны античного мира.

В. М. Массон в заключительном слове уклонился от определения общественного строя древневосточных государств и указал на необходимость разработки четкой терминологии для характеристики экономики докапиталистических формаций, выработки минимальных критериев. Отвечая на некоторые из выступлений, он высказал мнение, что неолитическая революция — это кардинальная смена хозяйства, а не орудий труда. На последнем этапе первобытного строя происходит выделение города как социальной организации, но политическое оформление его часто не наблюдается. Для изу-

чения кочевого общества, по его мнению, нужны другие критерии, не те, которые применяются при изучении земледельческих обществ.

Подводя итоги работы симпозиума, Б. А. Рыбаков оценил ее как начало всестороннего обсуждения проблемы рождения классовой формации вообще и наметил программу дальнейшей работы в этом направлении. Следует, по его мнению, поставить на обсуждение целый ряд недостаточно разработанных тем, таких, как проблема разложения первобытнообщинного строя, признаки и условия возникновения классового общества, рождение феодального способа производства и варианты возникающих феодальных обществ, возникновение рабовладельческого способа производства, типы рабовладельческих обществ, конец рабовладельческой формации, разные его варианты. Заслуживают обсуждения и такие вопросы, как сумма условий для развития того или иного уклада, соотношение конкретного развития того или иного общества и общих закономерностей к исследованию эволюции и скачка в развитии древних обществ, кривой подъема и упадка того или иного общества, их причин и другие еще более частные вопросы (формы ренты, роль замков и т. п.). «Только после рассмотрения всех этих вопросов,— сказал в заключение Б. А. Рыбаков,— возможен будет синтез, можно будет дать историю первых классовых формаций или, вернее, историю первого классового общества».

А. И. Павловская

К 50-ЛЕТИЮ ТАТЬЯНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ БЛАВАТСКОЙ

Дорогая Татьяна Васильевна!

Ваши друзья, все Ваши товарищи по работе рады приветствовать Вас в день Вашего пятидесятилетия, которое Вы встречаете полной сил и творческих успехов. Все мы знаем, как много сделано Вами в области древней истории и археологии, насколько широк круг Ваших интересов и научных устремлений. Прекрасное знание материала, постановка больших интересных проблем, кропотливая работа над самыми казавшимися бы незначительными деталями — все это отличает Ваши труды. Ваша новая книга «Ахейская Греция», в которой впервые в советской науке дан анализ огромного археологического материала по истории Балканского полуострова от палеолита до падения ахейских государств, заставляет пересмотреть некоторые сложившиеся ранее представления о ходе исторического процесса в Греции.

Нас восхищает Ваша увлеченность античностью и преданность избранному Вами делу. Мы от всей души желаем Вам столь же успешно продолжать свои изыскания. 50 лет для ученого — это не так много, и мы надеемся, что еще не раз будем поздравлять Вас с новыми работами.

*Сектор древней истории
Института истории АН СССР, редколлегия и редакция
«Вестника древней истории»*
